

— Ты мой избранникъ! Кто бы ты ни былъ, баринъ ли, крестьянинъ, купецъ,—для меня ты ни то, ни другое, ни третье: ты славный, славный мой другъ; мы оба—страдальцы, оба—одинокі душой, оба и будемъ нести крестъ жизни.

— А, можетъ, жизнь, рука объ руку съ этой подругой пошлетъ мнѣ и радости, и утѣхи?—мечталъ молодой артистъ, уже славившійся въ мѣстной округѣ, какъ новое восходящее свѣтило на довольно туманномъ небосклонѣ тогдашней провинціальной сцены.

— А родные у тебя есть гдѣ-нибудь, кромѣ тѣхъ, кто живетъ здѣсь и крестьянствуетъ? Есть родня отъ той линіи, которая не попала въ крѣпостные? — интересовалась Елена Дмитриевна, ставшая такъ просто и такъ быстро и внезапно счастливой невѣстой.

Счастливой!—Она стала чувствовать себя свѣтло, радостно, забывъ въ одинъ мигъ и уже надолго,—свою тоску, тоску одиночества, сиротства, кручину скорбной дѣвушки, заброшенной, можетъ, поневолѣ, невѣдомыми ею родителями на произволъ судьбы и очутившейся на чужедальной сторонущѣ.

— Я имѣю объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія. У меня есть родня не крестьянская,—отвѣчалъ Щепкинъ.—А про дѣдушку-горемыку мнѣ не разъ, я помню, рассказывали, какъ онъ, ставъ крѣпостнымъ и безропотно неся свой крестъ, частенько то грустно, то съ благодушнымъ какимъ-то смѣхомъ, напѣвалъ пѣсенку, въ которой добрый молодецъ вспоминаетъ тамъ, какъ первый попавшійся баринъ, по щучьему